

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования

Константиновский Давид Львович – доктор социологических наук, заведующий отделом социологии образования, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: scan21@mail.ru

Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, оказывающие решающее влияние на формирование намерений молодёжи в отношении образовательной и профессиональной карьеры. Особое внимание уделено анализу динамики престижа образования в нашей стране, особенностей его изменений вследствие различных воздействий, связанных с экономическими, политическими и другими переменами. Отмечено возрастающее значение образования для развития страны и отношения к нему в настоящее время. На материалах социологических исследований показаны устремления разных групп современной молодёжи в сфере образования. Продемонстрированы также мотивы получения профессии и образования, которыми старшеклассники школ объясняют свой выбор дальнейшего пути. С привлечением статистических данных показана взаимосвязь изменений на рынке труда, ориентаций молодёжи (семей) и развития сферы образования в разные периоды развития нашей страны. Проиллюстрирована роль рынка труда как в формировании ориентаций и социального поведения молодёжи, так и (опосредованно) в развитии сферы образования. Сигналы, поступающие с рынка труда, воздействуют на ориентации молодёжи и планы родителей в отношении образования детей; семьи передают запрос сфере образования, а та отвечает, формируя более или менее адекватное предложение. Также показано, как образовательные планы молодёжи зависят от перемен в сфере образования. Молодёжь, определяясь с планами на будущее, принимает во внимание, в частности, конкурсную ситуацию в образовании (прежде всего, соотношение приёма в вузы и выпуска из школ) и оценивает собственные возможности. В статье обосновывается утверждение о том, что стремление молодёжи к образованию – один из важнейших ресурсов, которыми может обладать страна, один из первостепенных движителей развития. Профессиональные ориентации молодёжи приобретают всё большее значение в связи с переменами, которые происходят в мире. Обязанность общества – изучать и совершенствовать стремление молодёжи к образованию.

Ключевые слова: молодёжь, образование, ориентации, образовательная и профессиональная карьера, престиж образования

Как и коллегам, мне уже доводилось писать о том, что наша страна обладает ресурсом не менее, а более важным, чем нефть и газ. Этот ресурс – устремлённость молодёжи к получению образования. В годы «жирных коров», наверное, многим казалось, что такое стоит «завернуть» лишь для красного словца. Сегодня есть надежда, что это не покажется преувеличением. В мире, где цена природных ресурсов падает, а значимость человеческого потенциала, то есть, по существу, носителей знания, квалификаций, неудержимо растёт, – есть вероятность переосмысления прежних ориентиров.

Можно ли увеличить в нужный момент число специалистов и уровень их квалификации каким-либо решением, постановлением, проявлением некоей воли? До сих пор приходится встречать мнение, что достаточно определить цель и выделить средства – далее поведение людей примет нужное направление, и задача будет решена. Между тем, многочисленные примеры показывают: если у тех, на кого возлагается достижение цели, отсутствует соответствующая мотивация, – внедрение чего-либо «сверху», скорее всего, обречено на провал.

Вот почему при анализе настоящего и будущего нашей страны одним из первостепенных факторов развития (а точнее, движителей его) оказываются ориентации молодёжи. Если молодые люди будут (продолжать!) стремиться к получению образования, – у нас есть шанс занять достойное место в мире.

Динамика престижа образования в стране поучительна. Обратимся к истории. Мы нередко оказываемся плохими её учениками, но постараемся проявить прилежание и присмотреться к нашему отечественному опыту.

Существует немало общеизвестных объяснений, почему Советский Союз добился успехов в индустриализации, освоении космоса, ряде отраслей науки: от неких преимуществ государственного устройства до использования репрессивных мер, от роли «эффективного менеджера» до помощи высших сил. Не включаясь в дискуссии (при этом едва ли можно предположить, что автор является апологетом советской системы), обратим внимание на существенный фактор, сыгравший едва ли не решающую роль в динамике развития нашей страны (и – ещё раз! – продолжает определять важные, если не важнейшие, возможности, которые могут и далее послужить для её блага). Это стремление масс к образованию, которое послужило основой для создания необходимого человеческого потенциала.

В нашей стране издавна был высок престиж интеллектуального труда, профессий, связанных с высшим образованием, – врача, учителя, инженера. К ним относились с уважением и в столицах, и в глубинке. После 1917 г. долго сдерживавшийся порыв масс к образованию получил возможность реализации. В результате в сферу образования массово пришли те, кому вход был закрыт или ограничен социальными либо национальными барьерами.

В мире, где цена природных ресурсов падает, а значимость человеческого потенциала, то есть, по существу, носителей знания, квалификаций, неудержимо растёт, – есть вероятность переосмысления прежних ориентиров.

Почему Советский Союз добился успехов в индустриализации, освоении космоса, ряде отраслей науки? Один из ответов заключается в стремлении масс к образованию, которое послужило основой для создания необходимого человеческого потенциала.

Большевистская власть декларировала гуманистические ценности, руководствуясь при этом прагматическими соображениями. Новые задачи требовали огромного количества специалистов для индустриализации, создания военно-промышленного потенциала, становления системы здравоохранения. Стремление масс к образованию было эффективно использовано, оно стало инструментом развития страны в избранном направлении. Диапазон деятельности был – от борьбы с безграмотностью до командирования молодёжи на ведущие промышленные предприятия и в научные центры мира.

Правда, так называемым «спецам» и «интеллигентам» приходилось, бывало, в те годы несладко. К тому же, новая власть вводила свои ограничения в доступе к высокому уровню образования; они касались в разное время различных групп населения (социальных, национальных); бывали и официальными, и латентными [Катунцева 1977: 28–36; Волков 1999: 36–60]. Десятилетиями «интеллигенция», как принято было называть людей интеллектуального труда, в официальной идеологии именовалась «прослойкой» и всячески противопоставлялась людям труда физического, прежде всего – рабочему классу, формальному лидеру общества. Пренебрежительное отношение к интеллектуальным занятиям проявлялось не только в идеологии, но и в материальном выражении: инженер, например, если он не занимал значительной руководящей должности, зарабатывал, как правило, меньше рабочего. Возможности восходящей мобильности (в том числе, через членство в партии) открывались прежде всего рабочим и колхозникам или выходцам из таких семей.

Престиж высококвалифицированных занятий, тем не менее, сохранился, оказавшись в условиях этих «заморозков» чрезвычайно выносливым «растением». Конечно, не только традиции (в том числе семейные) сыграли свою роль, но и привлекательный характер труда, возможность быть в соответствующей среде и т. д.

Позднее, когда оказались исчерпаны ресурсы для пополнения рабочих кадров, официальная пропаганда всячески призывала молодёжь на заводы и фабрики, на колхозные поля. Выпускники средних школ, были однако ориентированы на высокий уровень образования и на эти призывы не откликались, разве что в тех случаях, когда трудовой стаж оказывался необходимым.

Власть не ограничивалась пропагандой, но и во второй половине XX в. прибегала к привычным ей методам прямого регулирования в сфере образования. Озаботившись тем, что в вузы поступают преимущественно дети интеллигенции, руководство страны потребовало, чтобы состав студенчества соответствовал социальному составу страны [Руткевич, Филиппов 1978: 54–68, 107–132]. Были созданы подготовительные курсы, предусмотрены привилегии для молодёжи с промыш-

В позднесоветское время, когда оказались исчерпаны ресурсы для пополнения рабочих кадров, официальная пропаганда призывала молодёжь на заводы и в колхозы. Но выпускники средних школ были ориентированы на высокий уровень образования и на призывы не откликались.

ленных предприятий и из колхозов, для отслуживших в армии [Закон 1958: 10–22]. Вузы должны были учитывать, кого принимать, а кого нет, и отчитываться в проведении правильной политики приема. Правда, нужные категории молодёжи не пошли массово в высшее образование [Герчикова 1988: 78]; состав первокурсников стал ближе к структуре населения, но состав выпускников остался практически таким же, как раньше, потому что принятые на льготных условиях зачастую покидали вузы [Аитов, Филиппов 1988: 93–94]. Ну а те юноши и девушки, которые были мотивированы и подготовлены, из каких бы семей они ни происходили, продолжали стремиться достичь высокого уровня образования и так или иначе добивались своего. С их мотивацией никакое регулирование не могло совладать, никакие усилия власти.

В 1980–90-е гг. престижу высококвалифицированных занятий предстояли новые испытания. Рынок труда решительно изменился; вузовские дипломы старших поколений девальвировались; потеря работы, перемена интеллектуального труда на занятия типа «челночества» стали повсеместным явлением. Можно было услышать суждения такого рода: «Кому нужны твои два высших образования? Вон Петька, он и девяти классов не закончил, а у него два ларька, и он на «Мерседесе» раскатывает!».

Прошло, однако, несколько лет, и на рынке труда появился сегмент, где потребовались специалисты высокой квалификации. Даже в сфере обслуживания работодатель стал требовать диплом вуза, ибо за время студенчества молодой человек (независимо от того, чему его учили, да и учился ли он всерьёз) проходил процесс социализации и в результате мог освоить навыки и выполнять обязанности, например, продавца («менеджера торгового зала»), страхового агента или секретаря. Значимость образования (и его формальных признаков), его роль в восходящей социальной мобильности стали возрастать. Ориентация молодёжи на поступление в вузы не только восстановилась, но и значительно усилилась.

К этому времени рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры. К тому же вузы избавились от мелочной регламентации и получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей: значительно увеличить приём, сделать структуру подготовки по специальностям ближе к востребованной непосредственными потребителями. Возможности поступления в вузы и получения диплома, таким образом, выросли. Вскоре, правда, выяснилось, что барьеры полностью не исчезли, что-то сохранилось из прежних, что-то возникло вновь или обрело большую, чем прежде, силу [Константиновский, Вахштайн, Куракин, Рощина 2006: 60–92]. Получение хорошего образо-

В 1980–90-е гг. престижу высококвалифицированных занятий предстояли новые испытания. Рынок труда решительно изменился; вузовские дипломы старших поколений девальвировались; потеря работы, перемена интеллектуального труда на занятия типа «челночества» стали повсеместным явлением.

Уже в конце 1990-х гг. и на рынке труда появился сегмент, где потребовались специалисты высокой квалификации. Даже в сфере обслуживания работодатель стал требовать диплом вуза. К этому времени рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры.

вания осталось связано с соответствующим культурным капиталом семьи, а также затратами, что особенно чувствительно в обществе, где материальное расслоение весьма велико; кроме того, сосредоточены учебные заведения, дающие качественное образование, в крупных центрах, это создаёт проблемы для жителей малых городов, посёлков, сёл и т. п.

Конечно, привлекательность различных профессий, требующих образования высокого уровня, значительно изменилась: молодёжь (на фоне разочарования старшего поколения, оказавшегося с никому не нужными дипломами) стала ориентироваться на сферы, предоставляющие возможности для самореализации в условиях нового рынка труда. Если в 1960-е гг. лидерами привлекательности были учёный, космонавт [Шубкин 1970: 189–204], то сегодня на вершине иерархии профессий – экономист, финансист, менеджер. Прежние кумиры либо немного убавили свою привлекательность, либо потеряли её значительно [Вознесенская 2015: 123–184]. Тем не менее, верхние этажи иерархии заняты преимущественно профессиями, требующими высшего образования.

Чего хотят молодые люди сегодня? Вот данные обследования 2014 г.¹. Основная установка молодёжи, которая заканчивает обучение в школе, в среднем специальном учебном заведении или профессиональном училище, техническом лицее и т. п., – продолжать обучение. Это почти все школьники, около 80% старшекурсников средних профессиональных учебных заведений; среди учащихся профессиональных училищ таких немногим менее половины.

При этом не только с старшеклассников считают необходимым для успеха в жизни получить высшее образование (одно или два), но и почти такая же доля получающих профессии специалистов среднего звена, а также едва не половина готовящихся стать квалифицированными рабочими и служащими. Большинство (4/5) выпускников 11-х классов намерены поступать в институты и университеты, как и 2/3 выпускников средних профессиональных учебных заведений и четвертая часть оканчивающих профессиональные училища [Константиновский, Попова 2015: 38–39].

Молодые люди объясняют своё стремление продолжить учёбу главным посылом, наиболее часто отмечаемым молодыми людьми: «Чтобы получить работу, соответствующую

¹ Были отобраны 9 субъектов РФ. В выборке, кроме региональных квот, учитывалась численность обучающихся в образовательных учреждениях. Опрошены 500 девятиклассников и 600 одиннадцатиклассников школ, 500 учащихся профессиональных училищ, профессиональных курсов и других учебных заведений по подготовке рабочих кадров (последний год обучения), 600 старшекурсников (последний год обучения) средних профессиональных учебных заведений и 600 старшекурсников (бакалавриат, последний год обучения) высших учебных заведений. Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда. Опрос осуществлен 16 сентября–13 октября 2014 г.

интересам и склонностям» (78,8% учащихся 11-го класса отметили этот мотив как «очень важный», 98,4% – в сумме как «очень важный» и «важный»). Немало голосов собрали ответы: «Хочу стать компетентным работником», «Нравится учиться». Реалистичность подхода к жизненно важным решениям (а, может, и прагматизм) выразилась в том, что ответ «Чтобы найти хорошо оплачиваемую работу» оказался вторым по популярности (почему нет?), да и, пожалуй, в вариантах ответов, набравших намного меньше голосов: «Чтобы получить престижную работу», «Чтобы легко найти работу в нашей стране» и «Надо получить «корочки», без этого сегодня никуда», «Чтобы завести необходимые знакомства, связи».

Как бы то ни было, все эти данные свидетельствуют о весьма высокой степени мотивации молодёжи к образованию. Аналогичный вывод следует из рассмотрения мотивов молодёжи при выборе ею конкретной будущей профессии. Прежде всего, с отрывом от других вариантов более чем вдвое, выступает мотив «интерес к профессии». Затем следуют: «работа по этой специальности высоко оплачивается», «эта специальность престижна», «работая по этой специальности, я смогу приносить пользу своей стране, обществу», «полное совпадение моих способностей, наклонностей с характером выбранной специальности» [Константиновский, Попова 2015: 40–42].

Мотивация к образованию возникает (или не возникает), конечно, не сама по себе. Не следует забывать, что образование, в том числе высшее, – «не на облаке», если воспользоваться выражением А. Галича. То, что мы наблюдаем в этой сфере и можем в определённой степени измерить, формируют в значительной степени своими разнообразными воздействиями так называемые «внешние факторы», иными словами – ситуация, в которой находятся в конкретный период времени институт образования и те, кого стали называть потребителями его услуг. Среди этих факторов есть такой, влияние которого, благодаря существованию ряда вполне регулярных статистических обследований, может быть интерпретировано; речь идёт о той самой «невидимой руке рынка».

Спрос на различные профессии и квалификации, складывающийся на рынке труда, транслируется семьям и формирует мотивации родителей при выборе профессий для своих детей. Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что высокий уровень ожиданий встречается в семьях, где есть соответствующий уровень мотивации и достаточные ресурсы, а там, где их нет, планка aspirations соответственно ниже. Так под воздействием рынка труда формируется спрос семей, связанный со сферой образования.

Семьи, в свою очередь, транслируют этот спрос сфере образования. А та, формируя в ответ своё предложение, стремится удовлетворить спрос, тем более что она освободилась от

Спрос на различные профессии и квалификации, складывающийся на рынке труда, транслируется семьям и формирует мотивации родителей при выборе профессий для своих детей. Семьи, в свою очередь, транслируют этот спрос сфере образования.

прежней регламентации и обрела возможности это сделать. Можно определить спрос на поступление в вузы как отложенный в советский период и впоследствии получивший возможность удовлетворения (наподобие отложенного спроса на автомобили или поездки за рубеж).

Конечно, влияние рынка труда на ожидания семей и их намерения, и далее – на сферу образования не является прямым или однозначным. Рынок труда посылает сигналы, как сильные, так и слабые, как определённые, направленные, так и случайные, и, разумеется, не формализованные. Сигналы эти неизбежно приходят в семьи с искажениями. Кроме того, каждая семья интерпретирует их по-своему, здесь сказываются социодемографические, образовательные и другие характеристики. Влияние семей на сферу образования также не чёткое, определённое или простое; оно скорее носит стохастический характер. Вузы в своей деятельности ориентируются не только на их спрос, но и на другие сигналы, в том числе исходящие от органов власти (государственная поддержка и контроль остаются чрезвычайно важными). Таким образом, это комплексное, неоднозначное взаимодействие между акторами. Также нужно принять во внимание, что взаимодействие происходит не в вакууме, не в изоляции от того, что происходит в обществе в целом. Это взаимодействие испытывает влияние общей ситуации: оно зависит от демографических процессов, состояния национальной экономики, распределения доходов между слоями населения и т. д. Тем не менее, взаимодействие «рынок труда – семья – сфера образования» явно прослеживается.

Вторая половина 1980-х и 1990-е гг. предоставляют нам выразительный пример этого взаимодействия. Прежняя экономика требовала большого количества образованных людей (особенно в военно-промышленном комплексе, и не только). Когда эта экономика рухнула, рынок труда послал ясный сигнал: потребности в квалифицированных специалистах практически нет. Руководители исследовательских лабораторий, университетские лекторы, инженеры и многие другие становились продавцами, курьерами, возили дешёвую одежду из Китая и Турции и пр. Рынок предложил новые, совсем иные возможности для выживания и процветания (кому как повезло, или кто как сумел), и эти возможности требовали не высокого уровня образования, а иных качеств. Семьи не могли не ответить на этот сигнал. Он повлиял на состояние умов родителей и повлёк за собой соответствующие ориентации в отношении судеб детей, в частности – их образования: оно перестало быть желанной перспективой. Да и дети немедленно отреагировали на изменение ситуации. Яркий эффект того периода: дети покидали школу, не закончив курса обучения. Отсев из школ был малым и стабильным в ранние 1980-е гг. Он интенсифицировался в 1986–87-м, когда стали ощути-

мыми первые признаки экономических перемен в стране, и достиг максимума в начале 1990-х. Например, отсеб возрос более чем в 8 раз при переходе школьников из 6/7 в 7/8 класс (двойная нумерация классов связана с особенностями школьного обучения). В середине 1990-х гг. школьное образование получала меньшая часть подростков школьного возраста, чем в начале 1980-х [Konstantinovskiy, Khokhlushkina 2000: 28–33]. В результате школу не посещали 1,5 млн детей школьного возраста [Лиханов 1996]. *Сфера образования*, в свою очередь, ответила соответственно: приём на дневные отделения вузов, который рос постоянно до середины 1980-х, затем стал уменьшаться, особенно это проявилось в 1989, 1990 и 1992 гг. [Konstantinovskiy, Khokhlushkina 2000: 36–38]. Позднее, когда рынок труда начал возрождаться, родители стали иначе планировать будущее своих детей, а вузы – формировать приём в соответствии с новым спросом на образование.

Нынешняя ситуация также демонстрирует яркий пример такого взаимодействия. *Рынок труда* посылает сигналы, что обладатели вузовских дипломов имеют преимущества в зарплате и лучше защищены от безработицы, чем работники, имеющие меньший формальный уровень образования [Образование 2014: 82, 90]. Нет необходимости штудировать статистические справочники, чтобы узнать это, такая информация практически «витают в воздухе». Более того, буквально каждое объявление о приёме на работу содержит едва ли не ставшее сакральным сокращение «в/о», что означает требование диплома высшего учебного заведения. *Семьи* отвечают на этот сигнал. Исследование 2014 г., упомянутое выше, позволило подтвердить факт массового стремления молодёжи в вузы; оно наблюдается и у тех, кто не вполне уверен, что правильно выбрал профессию, и у тех, кто вовсе не успел определиться с выбором [Константиновский, Попова 2015: 43]. *Сфера образования* приняла вызов, увеличив приём в вузы и снизив уровень подготовки.

Происходящее в образовании тоже правит умами и поступками. Данные исследований показывают, что ориентации и социальное поведение молодёжи в сфере образования формируются не только импульсами, исходящими от рынка труда. Значительное влияние оказывает динамика развития самой сферы образования.

Десятилетиями, вплоть до 1995 г., далеко не каждому выпускнику средней школы суждено было стать студентом, потому что приём в высшие учебные заведения был значительно меньше, чем выпуск из школ. Только начиная с 2000-х и далее количество мест в вузах (совокупно на всех отделениях) стало расти настолько, что каждый старшеклассник мог мечтать сразу после школы получить студенческий билет.

Сегодня массовое стремление молодёжи в вузы наблюдается и у тех, кто не вполне уверен, что правильно выбрал профессию, и у тех, кто вовсе не успел определиться с выбором. Сфера образования приняла вызов, увеличив приём в вузы и снизив уровень подготовки.

Выпускники школ при формировании планов на будущее не могли не учитывать различные ограничения и барьеры, с которыми им предстояло столкнуться. Типичное распределение намерений старшеклассников (их личных планов) относительно будущей образовательной траектории выглядело следующим образом на протяжении десятилетий исследования вплоть до последнего периода. Чем выше статус семьи¹, тем значительно больше доля тех, кто планирует поступать в высшие учебные заведения, и меньше доля тех, кто намерен выбрать иной путь, иную жизненную траекторию. И наоборот, чем ниже статус семьи, тем намного меньше доля молодых людей, которые собираются поступать в высшие учебные заведения, и больше доля тех, у кого сформировались иные планы. Данные исследования показали, что распределение личных планов старшеклассников из разных социальных групп в значительной степени зависит от результатов восприятия ими конкурсной ситуации, складывающейся для поступления в вузы в различные годы, и оценки своих возможностей в данной конкретной ситуации [Константиновский 2008: 157–164]. Впоследствии соотношение выпуска из школ и приема в вузы изменилось. Численность старшеклассников стала резко сокращаться вследствие динамики демографических процессов, многочисленное молодое поколение сменилось малочисленным. Вузы, переориентируясь в соответствии с реальностью, стали сокращать прием, но осуществляли это не столь интенсивно, как падал выпуск из школ [Константиновский 2015: 184–209]. Различие в конкурсных ситуациях оказалось таково: численность выпускников школ превосходила приём на дневные отделения вузов (куда главным образом они устремляются) в 1994 г. в 2,5 раза, а в 2013-м – лишь в 1,1 раза [Статистика... 2014; Образование... 2014: 235, 360]. В результате когда практически каждый выпускник школы смог рассчитывать стать студентом дневного (наиболее популярного) отделения вуза. Результаты исследования 2013 г. свидетельствуют, что прежняя дифференциация личных планов сменилась тенденцией к выравниванию. Планы молодёжи из разных социальных групп сделались почти одинаковыми, существенных различий между ними практически не стало. Диапазон различий между долями планирующих поступить в вузы (конкретно, между долями детей администраторов и детей рабочих) был 45,3% в 1994 г. и упал до 10,7% (более чем в 4 раза) в 2013-м.

¹ Агрегированный социально-экономический статус семьи складывался из показателей уровня образования родителей и занимаемых ими должностей, а также с учетом материального благополучия семьи. Рассматривались: руководители (директор, главный инженер, начальник отдела и т. п.); предприниматели; специалисты с высшим образованием, не занимающие руководящих должностей (преподаватель, врач, инженер и т. д.); служащие со средним специальным или общим образованием (техник, секретарь, медсестра и т. д.); рабочие промышленности и сельского хозяйства.

Более того, в 2013 г. не стало ни одной группы старшеклассников, где доля планирующих поступить в вузы была бы ниже 80%. В этих данных нашли выражение настойчивое стремление молодых людей получить диплом о высшем образовании и оптимистическая оценка ими новой конкурсной ситуации¹ [Константиновский 2015: 201–203].

Результаты исследования 2014 г. показали, что распределение намерений приобрело не дифференцированный, а весьма сходный характер и в поселениях с различным уровнем урбанизации (см. таблицу 1). Конечно, различия имеются: в средних/малых городах, посёлках/сёлах молодёжь несколько чаще выбирает получение профессий специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих; но главная ориентация у всех – поступление в вуз, при этом абсолютная разница между долями планирующих получить высшее образование не превышает 10% при величинах долей не менее 75%, а относительная – 14%.

Таблица 1

Намерения старшеклассников, %

Место жительства	Планы					
	Вуз	Ссуз	Проф. училище	Проф. курсы	Работа	Прочее
Мегаполисы	79,4	4,8	0	0	9,4	6,4
Рег. центры	85,4	1,5	3,6	3,3	2,6	3,6
Прочая городская местность	77,9	8,6	6,1	3,1	1,8	2,5
Сёла	75,4	11,8	5,6	1,8	0,9	4,5

Всякий ресурс требует работы с ним. Едва ли найдётся такой ресурс (в природе, в обществе ли), который существует в «чистом», «готовом» виде. Стремление молодёжи к образованию нуждается как в исследованиях, которые помогли бы интерпретации существующего и наблюдаемого, так и в практической работе, основанной на результатах исследований и направленной прежде всего на благо молодёжи.

Изучение ориентаций и социального поведения молодёжи в сфере образования занимает значительное место в социологических исследованиях у нас в стране и за рубежом. Оно основывается на понимании, что разные группы молодёжи имеют разные мотивации по отношению к различным моделям образовательной и профессиональной карьеры, что молодым свойственны разные ожидания, а их формирование может осуществляться разными факторами. Принятие решения отно-

¹ Однако это были только планы. После окончания школы юношам и девушкам предстояло столкнуться с реальностью [Константиновский 2015: 204–206].

сительно своего будущего имеет несколько аспектов, которые связаны между собой, дополняются один другим, но имеют и самостоятельное значение. В этой проблематике нет простых зависимостей: нельзя утверждать, что если нашлось *a*, то будет и *b*. Напротив, наряду с важностью мотивации обнаруживается и сложность её изучения.

Необходимость практической работы в этой сфере обусловливается прежде всего разрывом надлежащих связей между рынком труда и его ресурсом (теми, кто может прийти в национальную экономику в качестве квалифицированных работников); отсутствием налаженной массовой работы по профессиональной ориентации, информированию молодёжи о потребностях рынка труда, нынешних возможностях и перспективах специалистов разной квалификации. Здесь нужны усилия и работодателей, и тех, кто определяет и осуществляет образовательную деятельность.

Приходится констатировать, что существующее положение дел не даёт оснований для благодушия. Массовая устремлённость молодёжи в вузы носит не вполне осознанный характер, не всегда согласуется и с потребностями национальной экономики, и с состоянием образовательной сферы. Наши знания об ожиданиях и мотивах молодых людей пока ещё ограничены. Работа по формированию ориентации молодёжи на труд и образование не ведётся в достаточных масштабах. Однако понимание того, что ориентации молодёжи – один из первостепенных движителей развития, а обязанность общества – сохранять и возвращать стремление молодёжи к образованию, могут дать нам шанс занять достойное место в мире.

Библиографический список

Аитов Н. А., Филиппов Ф. Р. 1988. Управление развитием социальной структуры советского общества / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Наука. 150 с.

Вознесенская Е. Д. 2015. Молодёжь и профессии // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования. Коллективная монография. М.: ЦСП и М. 232 с.

Волков С. В. 1999. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Некоммерческая организация «Развитие», ИНИОН РАН. 250 с.

Герчикова В. В. 1988. Современное высшее образование: функции, реализация, перспективы. Томск: изд-во Томского университета. 163 с.

Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 24 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1 января 1959 г., № 1 (933). С. 5.

Катунцева Н. М. 1977. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М.: Мысль. 203 с.

Константиновский Д. Л. 2008. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП. 552 с.

Константиновский Д. Л. 2015. Окончание школы, намерения и реальность: что хотели – что получили // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования: коллективная монография. М.: ЦСП и М. 232 с.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. 2006. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Университетская книга. 208 с.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. 2015. Молодёжь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. № 11. С. 37–48.

Лиханов А. 1966. Положение детей в России // Независимая газета. 21 ноября.

Образование в Российской Федерации: 2014: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. 1978. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука. 272 с.

Сайт «Статистика российского образования». URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&ttype=2&Field=All [Дата посещения: 22.12.2014].

Шубкин В. Н. 1970. Социологические опыты. М.: Мысль. 288 с.

Konstantinovskii D. L., Khokhlushkina F. A. 2000. The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education // Russian Education and Society. Vol. 42. № 2. P. 26–58.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427

The Formation of Young People's Orientations in The Sphere of Education

Konstantinovskiy David L'vovich

Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: scan21@mail.ru

Abstract. This article examines those factors which crucially impact the formation of youths' intentions when it comes to their educational and professional careers. Special attention is paid to analyzing the dynamics of the prestige of education in our country, the characteristics of its change as a result of various effects having to do with economical, political and other changes. Observed is the increasing importance of education for the country's development and the current attitudes toward it. Materials from sociological studies are used to show the aspirations of various groups

of modern youths when it comes to the educational field. Also demonstrated are the motives for acquiring a profession and education, which high school students cite when explaining their chosen path. With the use of statistical data, shown is the correlation between changes on the labor market, youths' (families') attitudes and the development of the educational field during different periods of our country's development. Illustrated is the role of the labor market when it comes to forming the attitudes and social behavior of young people, as well as (indirectly) the development of the educational field. The signals which are incoming from the labor market impact the attitudes of youths, as well as parents' plans when it comes to their children's education; families transfer an inquiry to the educational field, while the latter answers, forming a more or less adequate proposition. Also shown is how youths' plans for education depend on changes in the educational field itself. While planning their future, young people especially take into account the situation with competition in education (primarily the amount of people being enrolled into universities and graduating from schools), while evaluating their own abilities. This article substantiates the assertion that youths aspiring towards education are one of the most important resources that a country can have, and one of the primary driving forces behind development. Youths' professional attitudes are becoming ever more important in light of the changes which are occurring in our world. It is society's duty to examine and perfect young people's desire for education.

Keywords: youth, education, orientations, educational and professional career, prestige of education.

References

Aitov N. A., Filippov F. R. *Upravlenie razvitiem social'noy struktury sovetskogo obschestva* [Management of Development of the Soviet Society Social Structure]. Ed. by. V. A. Mansurov. Moscow, Nauka, 1988. 150 p.

Gerchikova V. V. *Sovremennoe vyshee obrazovanie: funkcii, realizacija, perspektivy* [Modern Higher Education: Functions, Implementation, Perspectives]. Tomsk, Tomsk State Univ. publ., 1988. 163 p.

Katunceva N. M. *Opyt SSSR po podgotovke intelligencii iz rabochih i krest'jan* [The Experience of the USSR in the Growing the Workers and Peasants as the Intelligentsia]. Moscow, Mysl', 1977. 203 p.

Konstantinovskiy D. L. *Neravenstvo i obrazovanie: opyt sociologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodiozhi (1960-e gody – nachalo 2000-h)* [Inequality and Education: The Experience of Sociological Researches of the start of Russian Youth Life (1960s – early 2000s)]. Moscow, CSPiM, 2008. 552 p.

Konstantinovskiy D. L. *Okonchanie shkoly, namerenija i real'nost': chto hoteli – chto poluchili* [Finishing School, Intentions and Reality: what they wanted – they received]. *Novye smysly v obrazovatel'nykh strategijakh molodiozhi: 50 let issledovaniya*. Moscow, CSPiM, 2015. 232 p.

Konstantinovskiy D. L., Khokhlushkina F. A. *The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education*. *Russian Education and Society*, 2000, Vol. 42, no 2, pp. 26–58.

Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. *Molodiozh', rynek truda i expansija vysshego obrazovaniya* [The Youth, the Labor Market and the Expansion of Higher Education]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2015, no 11, pp. 37–48.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Y., Roschina Y. M. *Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya* [The Availability of Quality Education: possibilities and limitations]. Moscow, Universitetskaja kniga, 2006. 208 p.

Lihanov A. *Polozhenie detey v Rossii* [The Situation of Children in Russia]. *Nezavisimaja gazeta*. 21.11.1996.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2014: Statisticheskyy sbornik [Education in Russian Situation]. Moscow, NRU HSE, 2014. 464 p.

Rutkevitch M. N., Filippov F. R. *Vysshaja shkola kak faktor izmeneniya social'noy struktury razvitogo socialisticheskogo obschestva* [High School as a Factor of Change in the Social Structure of Developed Socialist Society]. Moscow, Nauka, 1978. 272 p.

Shubkin V. N. *Sociologicheskie opyty* [Sociological Experiments]. Moscow, Mysl', 1970. 288 p.

Volkov S. V. *Intellektual'ny sloj v sovetskom obschestve* [The Intelligent Strata in the Soviet Society]. Moscow, Razvitie, ISSS RAS, 1999. 250 p.

Voznesenskaja E. D. *Molodiozh i professii. Novye smysly v obrazovatel'nykh strategijakh molodiozhi: 50 let issledovanija* [Youth and Profession]. Moscow, CSPiM, 2015. 232 p.

Website «Statistika rossiyskogo obrazovanija» [Statistics of Russian Education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&type=2&Field=All [date of visit: 22.12.2014].

Zakon ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'ju i o dal'neyshem razvitii sistemy narodnogo obrazovanija v SSSR. 24.12.1958 [The Law for Strengthening of the Connection between School and Life and Further Development of the Public Education System in the USSR. December 24.12.1958]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik*, 1959, no 1 (933), p. 5.